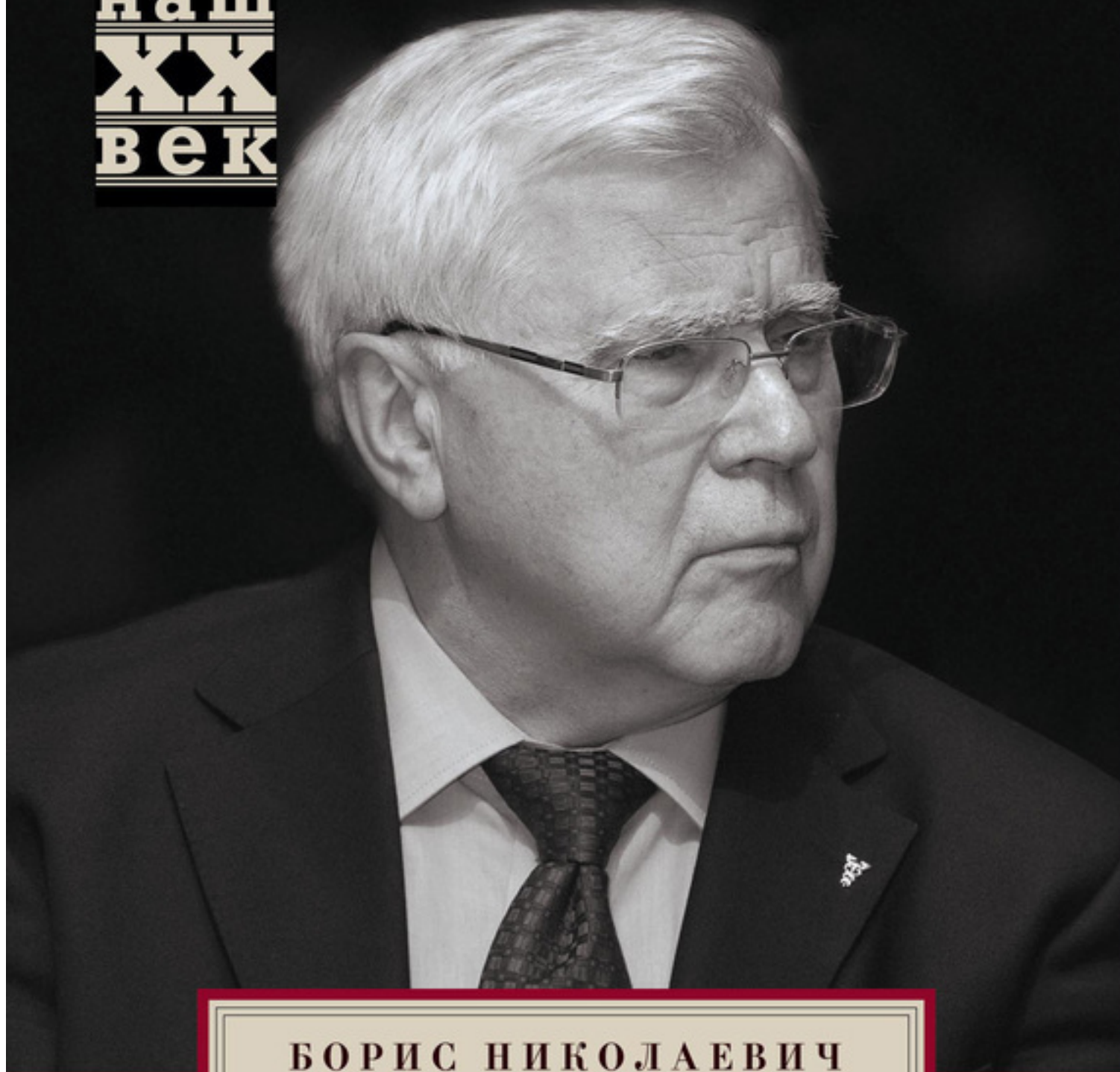


Наш
XX
век



БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

ШАСТУХОВ

★
ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

Наш XX век

Борис Пастухов

**Друзей моих прекрасные
черты. Воспоминания**

«Центрполиграф»

2017

УДК 929
ББК 63.3-8

Пастухов Б. Н.

Друзей моих прекрасные черты. Воспоминания /
Б. Н. Пастухов — «Центрполиграф», 2017 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-06603-9

Борис Николаевич Пастухов – государственный и общественный деятель, чья биография неразрывно связана с историей нашей страны. Его послужной список весьма обширен – первый секретарь Центрального комитета ВЛКСМ, председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, чрезвычайный и полномочный посол в Дании и Афганистане, первый заместитель министра иностранных дел, министр Правительства РФ по делам СНГ, старший вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ. Воспоминания Б. Н. Пастухова привлекают внимание именами многих выдающихся личностей, среди которых Юрий Гагарин, Александра Пахмутова, митрополит Питирим, Наталия Сац, Михаил Ботвинник, Евгений Примаков. В очерках о тех, кто были его наставниками, товарищами и друзьями, автор дает новые штрихи к портретам этих незаурядных людей и делится своими взглядами о путях развития России.

УДК 929
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-06603-9

© Пастухов Б. Н., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	8
Глава 1. Дворовые романтики	8
Лекарство от Сталина	13
Глава 2. Бауманка – это характер!	19
Николай Григорьевич Егорычев	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Пастухов
Друзей моих прекрасные
черты. Воспоминания

Дорогой комсомолке Жанне Глуценко – профессору Жанне Павловне Пастуховой посвящается

© Пастухов Б. Н., текст, 2017

© «Центрполиграф», 2017

Вместо предисловия

Предисловия и всякие вступления обычно никто не читает, не жалею их и я. Но сейчас, сразу «здесь и сейчас» хотел бы объясниться с читателями.

Большая и лучшая часть моей жизни связана с Всесоюзным ленинским коммунистическим союзом молодежи. Комсомолу я обязан всем своим жизненным путем. Видимо, поэтому друзья и товарищи настоятельно советовали мне взяться за перо и написать о том замечательном времени, о великих свершениях комсомола. О его талантливых и целеустремленных воспитанниках.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что писать о комсомоле, о тех годах чрезвычайно трудно, потому что нет ничего сложнее, чем передать героизм повседневных дел, который совершала наша молодежь, в большинстве своем безоглядно преданная Родине. Пересказать историю комсомола, безусловно, почетно, но и невероятно трудно и вряд ли под силу одному человеку.

Наверное, когда-нибудь я вернусь к комсомольской теме, а пока попробую рассказать о тех счастливых мгновениях, встречах и общении с рядом выдающихся людей, которые определили и обозначили, если угодно, контуры моей жизни. Расскажу о людях, которые были для нас **наставниками**, товарищами и друзьями и своим примером вели нас по жизни.

С издателями обычно не спорят. Не спорил и я, когда весьма уважаемый мною Валентин Федорович Юркин предложил иной формат книги – дать подготовленные очерки о людях на фоне моего жизненного пути. И бросил мне на подмогу писателя, журналиста и просто хорошего человека Игоря Иустиновича Цыбульского, который создал на своем веку немало прекрасных книг. Вот почему в полной мере считаю В. Ф. Юркина и И. И. Цыбульского уважаемыми соавторами этого труда, за что приношу им свою сердечную благодарность¹.

Что такое судьба человека?

В течение жизни я много раз задавал себе этот вопрос.

И в каждом возрасте отвечал на него по-разному. В детстве я думал, что смысл жизни состоит в том, что я расту, становлюсь сильнее, умнее и грамотнее, и, как только стану взрослым человеком, я смогу сделать что-то большое и важное, чтобы все люди узнали обо мне.

Ну вот я стал почти взрослым (мне исполнилось 18 лет), и я был убежден, что наступило время великих дел.

Я поспешил. Так часто бывает в молодости.

Может быть, только сейчас, когда мне перевалило далеко за семьдесят, я совершенно отчетливо (для себя) определил, что главный интерес моей жизни по большей части состоит из встреч с людьми, жизнь которых была, на мой взгляд, замечательной. Я любил этих людей и преклонялся перед ними. И вот теперь, когда многих из них уже нет на свете, я все равно думаю о них как о живых и горжусь, что они хорошо ко мне относились, а некоторые даже дружили со мной, за что я до конца своих дней буду им благодарен.

Пример этих людей во многом изменил меня и, по сути, сделал тем, кем я стал. Они научили меня неопределимым вещам. Верить в добро, в лучшее будущее и твердо знать, что все, что необходимо сделать, в наших руках.

В последние годы я все чаще вспоминаю мою любимую песню-романс из кинофильма «Ирония судьбы, или С легким паром!», написанную прекрасным композитором Микаэлом Таривердиевым на гениальные стихи (именно гениальные) Беллы Ахмадулиной «По улице моей который год...»:

¹ Первое издание этой книги вышло в издательстве «Молодая гвардия».

По улице моей который год
звучат шаги – мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.
<...>

И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверяю мне предметы.
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.

И вот тогда – из слез, из темноты,
из бедного невежества бывшего
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

Видимо, это время (время понимания, так я его называю, приходит когда-нибудь к каждому человеку) пришло и ко мне или, по крайней мере, вплотную приблизилось. И я с необычайной нежностью и тоской вижу лица, родные черты своих друзей. Они уходят... Я не хочу допустить этого.

Эта книга и есть моя отчаянная попытка воспротивиться той темноте за окнами... остановить уход друзей, совершить это почти невозможное дело.

Получилось или нет, судить вам...

Так вот первое, что я не хочу отпустить, – это мое родное Замоскворечье.

Часть первая Замоскворечье

*По улице моей который год
звучат шаги – мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден...*

Глава 1. Дворовые романтики

Все начинается с детства.

Величие и простоту этой истины доказывает, даже не подозревая об этом, одно поколение за другим.

Мое детство выпало на военные и послевоенные годы.

Может быть, это у кого-то сейчас вызовет усмешку, но я совершенно искренне горжусь тем, что не веду свою родословную от столбовых дворян. Я простой замоскворецкий парень, который вырос на здешних запутанных улочках и которого воспитал наш двор, военная и послевоенная Москва.

Очень люблю стихотворение Владимира Высоцкого «Баллада о детстве», оно точно показывает не только реальную жизнь московских мальчишек послевоенного времени, но и трудное, отравленное уголовной романтикой детство, живущее на темной, полной опасностей улице.

...Стал метро рыть отец Витькин с Генкой,
Мы спросили – зачем? – он в ответ:
Мол, коридоры кончаются стенкой,
А тоннели выводят на свет.

Пророчество папашино
~~~~не слушал Витька с корешем:  
Из коридора нашего  
~~~~в тюремный коридор ушел.  
Да он всегда был спорщиком,
~~~~припрешь к стене – откажется,  
Прошел он коридорчиком  
~~~~и кончил «стенкой», кажется.

<...>

Было время – и были подвалы,
Было надо – и цены снижали,
И текли, куда надо, каналы,
И в конце, куда надо, впадали.
Дети бывших старшин да майоров
До бедовых широт поднялись,
Потому что из тех коридоров,
Им казалось, сподручнее вниз.

Замоскворечье. Не потому, что так принято говорить, но Замоскворечье – это действительно был весь наш огромный бесконечно разнообразный мир. Мы жили в коммунальной квартире и росли в этом большом (так нам тогда казалось) дворе. Арсеньевский переулок, сейчас улица Павла Андреева, наш родной 7-й корпус, известный до последней травинки двор, где мы каждый день играли в салочки и вышибалы, гоняли в футбол, а зимой в хоккее.

Дом был построен в начале 1930-х, потом его поставили на капремонт и реконструкцию. Классические коммунальные квартиры – на несколько комнат общая кухня и один туалет. Телефон в коридоре. Потом от него отказались по экономическим причинам. Все жили небогато, но, когда у кого-то случалась беда, помогали друг другу как могли.

Теперь, иногда проезжая или проходя мимо, я заглядываю в этот двор своего детства и не слышу привычного гула машин, потому что магазинов здесь уже нет, они теперь в каких-то других местах. Ни в футбол, ни в хоккей в этом дворе уже никто не играет. Как-то удивительно тихо, спокойно и скучно стало теперь во дворе моей юности. Скорее всего, потому, что тут не звучат детские голоса. Нет во дворе детей. Куда они подевались? Наверное, в школе, в детских садах, в спортивных залах и на стадионах – успокаиваю я себя, но почему-то грусть не проходит.

После войны, когда мы с мамой вернулись из эвакуации, наша жилплощадь была занята. Нам «отрезали» угол в 30-метровой комнате, которую до войны мы занимали полностью. Тут и стали жить. Кстати, угол этот мы получили не только потому, что прежде тут были прописаны, а потому, что являлись семьей фронтовика – погибшего на войне офицера.

Хотя соседям нашим пришлось потесниться, мы жили дружно.

Перед войной в трех комнатах нашей коммуналки проживало три семьи, потом четыре, потом семьи стали дробиться, так как дети женились и выходили замуж, и там тоже появлялись обособленные, отгороженные углы вроде нашего. Когда уже начал работать в комсомоле, я получил квартиру, а мама еще немалое время жила в нашей коммуналке. Ей трудно было покинуть этот ставший привычным мир. И только после того, как дом расселили и поставили на долгосрочный капремонт, она переехала ко мне...

Но вот что любопытно, и какие все-таки удивительные бывают пересечения человеческих судеб... В этой же коммуналке жила семья Ротенберг. Бог знает, почему этих людей с немецкой фамилией не депортировали во время войны.

В этой семье жила молодая женщина, которую звали Маргарита. Она была красавица, и за ней ухаживали многие мужчины. В числе ее поклонников был посол Афганистана в нашей стране.

Этот далеко не молодой уже человек приезжал в нашу квартиру. Он дарил Маргарите какие-то удивительные восточные ковры и другие красивые вещи, в коммуналке ведь ничего невозможно утаить. Как известно, дружба с иностранцем в те времена была делом исключительно опасным. И вот однажды за Маргаритой приехали. Она исчезла. Все были уверены, что навсегда.

Однако, как гласит «квартирная» легенда, посол, как человек влиятельный и благородный, через Вячеслава Михайловича Молотова, через Министерство иностранных дел добился того, что Маргариту освободили.

Она и впрямь через несколько месяцев вернулась, но удивительный восточный человек – посол Афганистана с тех пор в нашей коммуналке не появлялся.

Кто бы мог подумать тогда, что в моей судьбе будет афганское продолжение этой истории и неведомый сказочный Афганистан надолго войдет в мою жизнь.

И сейчас, когда я периодически встречаюсь с нынешним послом Афганистана (а это родственник хорошо всем известного Хамида Карзая), я вспоминаю молодость и поразившего меня благородного афганского посла и думаю: а смог бы кто-то сейчас повторить рискован-

ные дела того роскошного афганца, который невозмутимо заходил в нашу коммуналку в своей высокой гордой папахе, дорогим пальто и с выражением дипломатической невозмутимости кивал выглядывающим из дверей любопытным соседям?

А как красиво и необычно от него пахло! Даже если бы никто не знал, что он – настоящий дипломат, всем было бы понятно. Он буквально излучал достоинство, благополучие и благородство.

Другими соседями по коммуналке была семья сотрудника Министерства путей сообщения. Это был высокий грузный мужчина, он ходил в красивом мундире с серебряными погонами – «полковник тяги», так его величали у нас. Я даже не знаю, существовало ли официально такое звание. Мы лицеизрели «полковника тяги» очень редко, только по большим праздникам. И дело не в том, что он мало бывал дома, просто тогда среди больших начальников было принято работать по ночам. Такую моду ввел Сталин. Ну а днем «полковник тяги» отсыпался и из своей комнаты не выходил.

Вот такие разные и любопытные люди жили рядом с нами. Но то были взрослые, и они нас все же не очень интересовали. Наш мир простирался за стенами этих переполненных людьми комнатушек. Настоящим нашим миром был двор.

В этом дворе пацанами хороводили очень разные ребята. Многие из них еще «по малолетке» сходили в места не столь отдаленные. Судьба у них (как в балладе В. Высоцкого) сложилась по-разному. Кто-то вернулся, кто-то нет, а из тех, кто вернулся, многие стали достойными людьми. В общем, должен заметить, что в великие из нашего двора, пожалуй, не выбился никто. Насколько мне известно, среди нашей братвы нет нобелевских лауреатов, героев войны и труда, лауреатов Государственных и Ленинских премий. Но ведь по-настоящему великих на всей Земле немного.

Там, во дворе, и я проходил обязательный курс молодого бойца. Хорошо помню, как меня обучали двумя пальцами незаметно вытаскивать из чужого кармана кошелек. Должен признаться, получалось у меня неплохо, так что я удостаивался скупой похвалы больших профессионалов-карманников, называвшихся щипачами.

Кроме этого, мы сильно увлекались своеобразным «видом спорта». Специально изготовленными проволочными крючками мы сбрасывали с грузовиков, проезжавших по переулку, кочаны капусты и кое-что еще, что удавалось зацепить. Не исключено, что подобные игры и меня довели бы до детской колонии, но тут, на мое счастье, друзья, с которыми я гонял в футбол, затащили меня в детскую спортивную школу Ленинского района, и мы начали там с великим увлечением заниматься настоящим спортом.

Сколько ребят в те труднейшие и опасные послевоенные годы спас и вывел на нормальную дорогу спорт! Я лично до конца своих дней буду ему благодарен.

Это увлечение захватило меня полностью на несколько лет, именно тех определяющих, которые и формируют подростка как человека.

Кстати, в то время во все существовавшие многочисленные спортивные секции не было такого, как сейчас, строжайшего и изошренного отбора. Для того чтобы заняться гимнастикой, легкой атлетикой или боксом, необходимо было желание, о деньгах мы даже не думали.

Убежден, что существовавшее тогда в занятиях физкультурой и спортом направление на массовость было очень правильным, и даже существовавшая отчетность, как мне известно, была направлена на подготовку физкультурников и только потом мастеров. Массовый спорт был замечательным резервом для спорта высших достижений, но главное, конечно, не в этом, а в том, что физкультурой занимались миллионы молодых людей и все стали здоровыми, сильными людьми с крепким характером.

Как же мы, мальчишки, учившиеся в седьмых-восьмых классах, самозабвенно тренировались! Никогда не забуду, как два раза в неделю, зимой, мы собирались недалеко от Калужской Заставы, в 10-й школе, и там передевались. В резиновых тапочках, сатиновых шарова-

рах, подложив спереди под майку газетный лист, чтобы не так сильно продувало, мы бежали кросс до самого трамплина на Ленинских горах. Тогда там еще не было университета, не было окруженных заборами особняков, но была масса тропинок и дорожек, по которым удобно было бегать.

Сверху мы спускались вниз по крутому откосу, оказывались мы там обычно по вечерам. Внизу было уже темно, и возле какого-то небольшого дома отдыха висел, со скрипом раскачиваясь на ветру, ржавый жестяной фонарь. И вот когда я теперь изредка оказываюсь в этих краях, организм очень внятно сообщает мне, что именно в этом месте у меня наступала «мертвая точка» – появлялось исключительно ясное чувство, что если я сейчас не остановлюсь и сделаю еще несколько шагов, то упаду мертвым на землю... но я заставлял себя сделать еще несколько шагов и вдруг начинал с изумлением понимать, что неминуемая, казалось, смерть каким-то удивительным образом отступила, и что мне стало вдруг необыкновенно легко, и что теперь я могу бежать буквально бесконечно – так появлялось второе дыхание.

Но если двигаться по знакомому маршруту дальше, организм опять внятно сообщал, что в этом месте мне было очень плохо, так плохо, что должно было стошнить, но ты выдержал, и опять все стало хорошо и легко. Это значит, что и вторую «мертвую точку» мне хватило сил и воли преодолеть.

Добежав до трамплина, мы отдыхали несколько минут и потом бежали назад. В обратном направлении маршрут в целом шел под горку, и бежать было легче.

Теперь мне ясно, что именно спорт не позволял нам закурить или увлечься алкоголем. Именно спорт помогал нам стать людьми, и пусть большинство из нас не выбились в большие мастера, великая благодарность спорту за то, что он уберег нас от многих опасностей и бед, которые угрожали нашей юности.

На Большой Калужской, неподалеку от Академии наук, напротив Института математики имени В. А. Стеклова, была аптека. Она и сейчас там. Мы заходили в нее и за копейки покупали кучу витаминов и горстями их съедали. Морщились, но жевали и были глубоко убеждены, что помогаем своему организму восстанавливаться и переносить большие спортивные нагрузки. Сейчас я понимаю, что это было глупо и даже вредно, но здоровый молодой организм справлялся и с этим.

Вообще, с Большой Калужской связано много всякой всячины. Там я однажды увидел пожилую женщину в коляске и только потом, по рассказам бывалых людей и портретам, узнал, что имел редкую возможность лицезреть великую дипломатическую даму, «валькирию революции» Александру Михайловну Коллонтай...

Попробую рассказать о главных развлечениях и утехх того прекрасного времени. Наш дом стоял на углу Арсеньевского переулка и Мытной улицы (в просторечии Мытка), потом уже из книжек я почерпнул, что в далекие времена по этой улице гнали скот на продажу и где-то тут находилась древняя налоговая инспекция, получавшая налог с продаж и ставившая клеймо. Эта операция называлась «мыт». Рядом была Конная площадь, одним словом, в старину все тут было связано с торговыми делами.

Так вот, на этой Мытной улице, наискосок от нашего дома, был стадион «Родина» завода «Красный пролетарий». Завод этот уже умер, и от стадиона тоже не осталось следа. Ну а в наше время это был довольно приличный спортивный комплекс, там были одна большая насыпная трибуна и одна маленькая, приличное футбольное поле, окруженное беговыми дорожками с различными легкоатлетическими секторами для прыжков и метаний.

Стадион «Родина» напряженно работал весь год. По воскресным и праздничным дням с самого раннего утра он буквально гудел. Где-то в восемь часов утра тут начинали играть в футбол детские и юношеские команды, потом был перерыв, и после обеда на поле выходили уже взрослые. Так проводилось первенство Москвы среди спортивных коллективов, и в зачет шли те очки, которые добывали все команды.

Мужики со всего района с раннего воскресного утра стягивались на стадион и проводили на трибунах порой весь день. Кто-то уходил обедать и потом возвращался. Большинство, однако, брали еду с собой и совмещали приятное с полезным. Случалось, что и выпивали, и спорили... но все же никогда не доходило до таких яростных и диких фанатских безумств, которые происходят сейчас.

Некоторые из великих футболистов нашего времени вышли со стадиона «Красного пролетария», и мы их всех, конечно, прекрасно знали. А они были тогда простыми и доступными ребятами. Но пронести чемоданчик со спортивной формой за самим великим Анатолием Исаевым или Крутиковым... О! Это было событие, которое запомнилось на всю жизнь!

Во все остальные дни недели на стадионе тренировались молодые спортсмены, и мы там бегали по дорожкам, прыгали, метали гранаты и копья, всю работала наша спортивная школа.

В первые дни войны футбольное поле было изрыто окопами. Там были установлены зенитки, в землянках и блиндажах жили зенитчики, охранявшие московское небо (как мне запомнилось, в основном это были женщины).

Хорошо помню, как началась война. Мне было уже почти семь лет, и я запомнил хмурых людей, стоявших на улице возле больших жестяных громкоговорителей в ожидании новостей с фронта. Мне была непонятна тревога людей. Мальчишки искренне радовались войне. Во-первых, на фронте можно совершить подвиги и прославиться. Тем более что победить любого врага для нашей великой Красной армии, конечно, не составит никакого труда. Опасались только того, что война быстро кончится и мы не успеем повоювать.

Нас, мальчишек, очень интересовало то, что будет в подвалах, которые оборудовались как бомбоубежища.

Авианалеты, особенно самые первые, были сильные и опасные.

Рядом с нашим двором располагался военный завод по ремонту автомобилей. И вот во время первых авиационных налетов бомбы попали в аккумуляторный цех. По всем окрестностям были разбросаны свинцовые рамки и пластмассовые куски батарей, и мы все это собирали. Рядом была Морозовская больница, и думаю, что медикам тоже нелегко пришлось в эти первые дни войны и воздушных налетов.

Я, к великому моему сожалению, не был допущен в те команды, которые во время бомбежек поднимались на крыши домов и гасили зажигалки. Лет мне было маловато, да и мама крепко держала меня за руку. Я был у нее один, и она очень за меня переживала.

Ну а прямо напротив нашего дома располагался сам великий Гознак, который печатал деньги и чеканил ордена. Его замечательный коллектив всегда шел на демонстрациях в первой или второй колонне.

Иногда нам, ребятам, удавалось пристроиться и пройти по Красной площади вместе со взрослыми.

На демонстрации я ходил и потом, когда стал студентом, уже в колонне Бауманского района, которая обычно была замыкающей. И когда часов в шесть мы завершали прохождение, Сталин всегда стоял на трибуне Мавзолея.

Потом демонстрацию трудящихся начали все больше «подрезать», пока не свели ее прохождение к часу с небольшим, чтобы не утомлять наших стареющих вождей.

Мог ли я в детстве предположить, что когда-то пройду по Красной площади, ассистируя знаменосцу – это был один из заместителей председателя Московского совета (вице-мэр нынешнему). Слева от знаменосца всегда шел руководитель профсоюзов, справа – комсомола.

Только одна проблема мучила меня – ассистенту знаменосца нужно было быть обязательно в шляпе и в каком-то светлом пальто или плаще. Шляп я не любил, и вот мне пришлось с женой накануне праздника отправляться в магазин и подбирать шляпу к светлomu пальто. Целая история.

Но не будем забегать так далеко вперед, вернемся в наш любимый просторный двор, в нашу замечательную коммунальную квартиру, где было много разных интересных людей, таких, которые работали день и ночь, как наш железнодорожник – «полковник тяги».

Мы обитали на третьем этаже, а на втором, почти что под нами, жил мужчина – заслуженный рабочий. Его портрет с медалью «За трудовую доблесть» на груди был однажды помещен в журнале «Огонек». Этот гражданин частенько бывал на стадионе «Родина».

Если вспоминать о том, что оказало на меня большое влияние, то никак нельзя пропустить пионерский лагерь Метростроя в Балабанове. Метрострой тогда был великой организацией, и лагерь был большой. Существовала даже песня «Балабановский «Артек» – гимн нашего лагеря. Я приобрел там замечательных друзей. Много чистой радости и романтики почерпнули мы из тех пионерских лет.

Про пионерский период можно рассказывать бесконечно. Но нашим родителям приходилось нелегко. По воскресеньям моя мама, вместе с множеством других мам, отправлялась ко мне на свидание. Путь-то был неблизкий. Сто километров на поезде да еще от станции пешком километров пять. Конечно, она везла мне что-то поесть, хотя прекрасно знала, что в лагере нас кормят хорошо. Но мама есть мама, и ей кажется, что никто и никогда не накормит ребенка так, как это делает она.

Ну, хочешь не хочешь, поесть надо было, чтобы маму не обидеть, а что-то мы прятали и потом отдавали эти домашние деликатесы немецким военнопленным, которые неподалеку от лагеря косили траву...

Тогда, в лагере, я увлекся художественным словом и впервые был очарован волшебной красотой поэзии. Для меня показалось истинным чудом, что обычные вроде бы слова вдруг приобретают чудесную красоту музыки и звучат так, что сердце замирает или начинает биться как-то по-особенному.

На праздниках в лагере я читал стихи Константина Симонова:

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди...

И мой голос пресекался от волнения.

А неподалеку от нас махали косами эти самые немцы, которые совсем недавно с огнем и мечом шли по нашей земле и которых мы теперь жалели и несли им гостинцы и хлеб из пионерской столовой.

Лекарство от Сталина

Школу я окончил в 1952 году.

В апреле, это бывает каждый год, собираются мои одноклассники. В самом начале нас было сорок, сколько соберется теперь? Те, кто звонил мне, сказали, что они договорились с тринадцатью и, может быть, еще кто-нибудь объявится...

Каждый год нас все меньше, и не хочется думать, сколько будет на следующий год. Теперь случается, что вместо тех, кто ушел от нас навсегда, приходят их дети и даже внуки. Мы принимаем их с радостью.

Подумать только, ведь сколько лет прошло! Пожалуй, что нам, оставшимся, следует благодарить судьбу за такую большую, сложную, интересную жизнь.

Школа наша располагалась на Шаболовке. Почему меня записали в эту школу, не знаю. Получилось, что жил я в Москворецком районе, а учился в Ленинском, но все равно, хорошо, что так получилось.

Никогда не забуду свою первую учительницу Клавдию Николаевну Пронину. И вот теперь, когда наш класс собирается, мы ее всегда вспоминаем. Были и другие замечательные учителя, например Михаил Никанорович Круковский. Он преподавал литературу. По большим праздникам он надевал ордена, особенно выделялся орден Ленина. На фронт его не взяли, потому что он очень плохо видел. Всю жизнь он проработал в школе и много десятков лет был директором школы.

Перед самым выпуском Михаил Никанорович почему-то перебросил меня из родного 10-го «А» в 10-й «Б». Понятно, что для меня, проучившегося все время в одном классе, это стало настоящей трагедией. К тому же 10-й «Б» был собран отовсюду, как говорится, с бору по сосенке, и нормального коллектива там не было и в помине. Хотя имелись настоящие звезды. Например, один мальчик пел в Большом театре. Надо сказать, что в этом классе учились жильцы элитного дома, что на Калужской Заставе, в одном крыле которого обитали кагэбэшники, и несколько ребят оттуда ходили в школу в бостоновых гимнастерках и сверкающих черных офицерских сапогах. Учились они в основном плохо.

Кинули меня в этот 10-й «Б», чтобы участвовать в наведении порядка, так прямо и объяснил мне Михаил Никанорович. Ну, я спортсмен и вполне здоровый малый. Из средств убеждения самым эффективным считал кулак, и я не стеснялся, если приходил к мысли, что силовое воспитательное воздействие необходимо.

В 10-м «Б» среди моих новых одноклассников был один особенный экземпляр, который требовал именно такого внимания. Красавец в бостоновом полувоенном френче – Кузьмин. Кажется, его звали Володя. Вот он (как я ни старался) в коллектив так и не влился.

Моим же главным воспитателем была мама, незабвенная Елизавета Сергеевна Пастухова. Всем лучшим в моей жизни я обязан именно ей.

Отца помню смутно. Он был рабочим на заводе имени Владимира Ильича, потом служил в армии. В феврале 1942 года на Волховском фронте был тяжело ранен, лежал в госпитале, но не выжил.

Долго я потом искал его захоронение. И ведь нашел!

Удивительным, чудесным образом, когда уже сам почти перестал верить в успех. Куда я только ни обращался, куда ни посылал запросы, везде отвечали: «Не знаем, неизвестно». Кто-то мне посоветовал: в Ленинграде хранится архив военных госпиталей – обратитесь туда. Раз умер в госпитале, у них могут быть на него бумаги. Я обратился и действительно, почти без задержки, получил ответ. Мне сообщили, что мой отец похоронен в Вологде на городском кладбище. Я отправился в Вологду, в городской архив. Там оказались удивительно милые и чуткие люди. Они подняли списки, нашли книгу захоронений военных времен, и там мой отец значился как умерший в госпитале и было названо место захоронения. После этого найти могилу уже не составило труда.

Потом мы ездили на отцовскую могилу со старшим внуком, и после этого он сказал: «Дед, давай младшего нашего туда свозим!» Я в то время был очень занят и стал уговаривать его отложить поездку. Тогда внук сказал мне очень серьезно, почти сердито: «Если ты не повезешь младшего на могилу к прадеду, то я его сам отвезу».

На это мне ответить было нечем. Пришлось отложить все дела, мы взяли моего младшего внука и поехали к прадедушке. Замечательная получилась поездка, и память о ней осталась у нас на всю жизнь. Нередко и теперь мы ту нашу экспедицию вспоминаем...

Поезд в Вологду приходит рано утром. Вышли в город. Взяли такси. Я сел рядом с водителем, ребята сзади. Таксист спрашивает:

– Куда?

– На кладбище, – отвечаю.

Он говорит:

– Вижу, вы не здешний.

– Мы из Москвы. Приехали на могилу отца. Вот внуков привез.

– Да, – говорит он, – Волховский фронт, это всем известно, одна винтовка на троих. Великое число народа здесь погибло. Я знаю это кладбище хорошо. Вот будете подходить к своей могиле, увидите памятник летчику – дважды Герою Советского Союза. Так вот, этот летчик сначала был похоронен во Львове. Потом его решили перезахоронить на родине. Я тогда был майором ГАИ, вел машину сопровождения. Мы везли его прах. – Он помолчал и добавил: – А все же и тогда были сволочи!

– Где? – удивился я.

– В этих... ну, в похоронных командах. Когда его там, во Львове, откопали, оказалось, что он лежал лицом вниз. Выходит, кинули как попало и закидали землей. Понятно, что работы у них тогда было очень много, но это ведь герой – дважды Герой Советского Союза, и те, что хоронили, об этом не могли не знать. Зато уж тут, в Вологде, мы его со всеми воинскими почестями достойно похоронили. Нашим внукам за нас стыдно не будет...

Мои мальчишки сидели, слушали, и глаза у них были огромные, со слезами.

Доехали быстро. На кладбище мы дорогу хорошо знали. Постояли у могилы героя-летчика. Подошли к своей. Это братская могила. В первые годы войны умерших в госпиталях хоронили беспорядочно, но потом собрали всех и захоронили в нескольких братских могилах. Они там по 20–30 человек, под одной плитой, на которой выбиты их фамилии и инициалы. Там и наша родная надпись: Пастухов Николай Михайлович.

Вот так мы съездили в Вологду, повидались с отцом и дедом.

У нас в семье как главная реликвия хранится последнее письмо отца. Мама получила его в 1942 году, когда он лежал в госпитале. И вот моя мама вдруг начала ходить в церковь и молиться. Она молилась за отца, чтобы он остался жив. Вскоре нам сообщили, что отец умер, но мама продолжала молиться за него, а потом еще и за меня. Я никогда не упрекал ее за это, так же как она никогда не упрекала меня.

Я у нее был один. После смерти отца она не связала свою жизнь больше ни с кем, хотя были, конечно, мужчины, которые мечтали соединить с ней свою судьбу. Мама была не только красивая, но и умная. Ей приходилось нелегко. Она работала в Метрострое, в шахте. Потом у нее возник туберкулез кости, и так как она эту свою болезнь запустила и стала хромать, то вынуждена была уйти с работы под землей. В шахту она пошла, чтобы получить карточку ГЦ – горячий цех. Это был прежде всего килограмм хлеба, а ведь с нами, в этой перегороженной занавеской комнате, жила еще ее больная парализованная сестра. Мы втроем жили...

Я видел, как маме трудно, и старался помочь. В седьмом классе, когда встал выбор – уходить из школы или учиться дальше, я решил поступить на работу. Директор, тот самый Михаил Никанорович Круковский, позвал меня в свой кабинет и сказал: «Слышал, что ты хочешь уйти из школы?»

Я ответил, что уже написал заявление и собираюсь идти учиться в Военно-механический техникум и работать.

Михаил Никанорович вызвал маму, сказал: «Я знаю, как вам тяжело, но мы по возможности будем вам помогать. Не разрешайте Борису уходить из школы».

Конечно, помочь школа нам особенно не могла. Не было у нее таких возможностей. Но вот костюм вице-президента Академии наук Топчиева, который он в числе других вещей передал для тех, кто нуждался, достался мне. Этот костюм мама перешила, и в нем я ходил очень долго.

Из школы я не ушел. Мама настояла.

Она тянула меня из последних сил, и я проучился все десять лет и получил в итоге серебряную медаль, которая позволяла мне без экзаменов поступить в институт.

Мама была счастлива.

Она никогда меня не била, ничего не запрещала, а когда я пришел из школы после последнего экзамена, подарила мне отцовские серебряные карманные часы.

Мама всегда была для меня примером. Да, мы жили трудно. Но мы никогда по-настоящему не голодали. Она была удивительная мастерица, у нас ничего не пропадало, все шло в дело. Даже из картофельных очисток она могла приготовить вполне съедобные драники.

И вот что интересно. Мама никогда не брала в долг. Никогда! Это мамино правило стало также и моим, причем на всю жизнь.

Она была удивительно честным и скромным человеком. Всю жизнь работала не покладая рук.

И так как моя жена серьезно занималась наукой, защищала кандидатскую, затем докторскую диссертацию и профессорствовала на кафедре, обе дочери росли на руках у мамы.

Мама прожила большую жизнь и ушла от нас, когда ей было 93 года. А жившая с нами ее сестра, Валентина, которая была парализована, скончалась в 33 года. Вот как удивительно складываются судьбы в одной семье.

Валя умерла в конце 1945 года. Уход, лечение, горшки, кормление (баночки с жиденькой манной кашей, завязанные марлей) – все это легло на плечи мамы и в немалой степени на мои. Я никогда не жаловался именно потому, что ни разу не услышал хотя бы одной жалобы от нее – моей удивительной мамы.

Мама экономила каждую копейку на лекарства для сестры. В начале Якиманки есть такой симпатичный дом, где жил знаменитый кардиолог академик Егоров. Как-то мама сумела набрать приличную сумму, и мы потащили Валу к этому академику. Егоров этот был, конечно, человек не бедный, но деньги-то у нас все равно взяли (не он, конечно, какой-то помощник вроде секретаря). Так вот, академик сказал: вашей больной может помочь только пенициллин. Пенициллин тогда только-только изобрели. И война идет, которая весь производившийся пенициллин пожирает. Эта целебная плесень тогда была дороже золота. Где же нам взять этот бесценный пенициллин?!

И вот мама пишет письмо товарищу Сталину. Это все я хорошо знаю, потому что участвовал в его составлении. В нем без особых жалобных слов было очень убедительно написано, как мы живем и почему не можем достать для больной сестры, которой всего тридцать с небольшим лет, этот спасительный пенициллин.

Через несколько дней в прихожей раздается резкий звонок. Такой, что буквально все обитатели высыпали в общий коридор. Открыли дверь. На пороге стоит высокий суровый военный, и первая мысль, конечно: кого-то сейчас заберут.

Офицер осмотрел всех и спросил:

– Кто тут Пастуховы?

Выходит мама.

– Распишитесь, – говорит он и передает сверток. – Здесь пенициллин от товарища Сталина.

Ну прямо как в кино!

Холодильников тогда ни у кого не имелось. Просто в стене была вырублена ниша, которая закрывалась дверцей на замке. Там было прохладно и лежали самые ценные вещи наших жильцов. Туда мы положили этот волшебный пакет от самого Сталина.

Через какое-то время нам удалось договориться, что нашу Валентину возьмут в 1-ю Градскую больницу и проведут курс лечения пенициллином. И вот накануне дня, когда нужно было лечь на больничную койку, Валентина умирает. Думаю, что сказалось большое напряжение этих последних дней.

Мама, как я уже сказал, прожила большую жизнь -93 года! Ей посчастливилось не только увидеть, но и воспитывать своих правнуков. На ее памяти (и руках) четыре поколения фамилии Пастуховых.

Умирала она тяжело. Жить ей очень хотелось, ибо от жизни она совершенно не уставала, но сердце, легкие – весь организм уже отказывался работать. Ресурс был выработан полностью. Мы поставили гроб в церкви Даниловского кладбища. У гроба, рядом, стоял мой внук Боря и держал меня за руку. Это он сказал тогда: «Если ты не повезешь младшего на могилу к прадеду, то я его сам отвезу».

Простите, но я убежал слишком уж далеко вперед. Предполагаю, что и в будущем такое со мной будет случаться. Невозможно встроить затейливый ход жизни в точные рамки хронологии. И все же не будем совсем уж беспардонно нарушать ход и порядок событий. В этой главе я рассказываю о школе.

Недавно нашел групповые фотографии двух наших десятых классов. Какие все-таки у ребят хорошие лица! Помню, что учились мы все неплохо, хотя и не в полную силу, постоянно затевали интересные дела, ходили в походы, организовали драмкружок, соревновались, безобразничали. Но когда стало понятно, что пришло время школу оканчивать и желательно получить хорошие оценки, все собрались. На это время был заброшен драмкружок и даже спорт. Поднажали очень серьезно. В итоге у нас получилось. Я вообще-то шел на золотую медаль, но учитель по математике, на геометрии (устной), зная, что я хулиганистый малый, поставил четверку, и никто не смог убедить его, что ни к чему лишать парня золотой медали.

Окончили школу. Пришло время готовиться к поступлению в институты, и вдруг директор объявляет нам свое решение. Вместо трех классов, которые расположены на первом этаже здания, надо вырыть котлован и построить спортзал. И вот мы – два десятых класса, когда нас со школой связывали только добрые чувства, как на работу ходили туда. Ребята молодые, спортивные, сильные, мы быстро вырыли этот котлован. Так был построен спортивный зал в нашей старенькой школе.

После этого была традиционная эстафета учащихся по Большой Калужской улице. Мы решили напоследок тряхнуть стариной. Потренировались и вышли на старт. Первое место не выиграли, но бежали хорошо и боролись достойно. Так что за нас никому не было стыдно.

Наш класс вообще был очень спортивный. Он дал одного чемпиона страны, рекордсмена Юру Говорова (на тяжелейших беговых дистанциях 800 и 1500 метров), нескольких мастеров спорта по гребле. А мы, остальные, перепробовали все – и стрельбу, и бокс, и много еще чего. Но моя душа навсегда была отдана первой любви – легкой атлетике. Сначала средние дистанции, потом длинный спринт – 400 метров и, наконец, метание копья. Так что нет ничего удивительного в том, что я решил поступать в институт физкультуры.

Тут решительно воспротивилась моя мама. Она сказала: сначала настоящая специальность, потом все что хочешь. Это значило, что мне придется поступать в какой-то серьезный институт.

Когда нам выдали аттестаты зрелости, группа наших ребят поехала на Бауманскую, и я поехал с ними. Сначала зашли в строительный институт. Тут нам как-то не понравилось. До энергетического (он тоже неподалеку) надо было ехать на трамвае, а до Бауманского училища можно пешком по переулочкам – совсем недалеко. Пришли в МВТУ². Там душевная обстановка, кругом внимание, любезность. У кого что ни спросишь, все объяснят, расскажут и покажут. Я решил дальше никуда не ходить. А что касается специальности, то записался на первый факультет и на первую специальность. Чего выбирать, раз первая – значит, самая лучшая. Так как у меня была серебряная медаль, то мне предстояло только пройти собеседование.

² МВТУ – Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана. Сегодня – Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана.

Хотя и про собеседование тоже ходило множество легенд. Говорили, что могут, например, запросто спросить: сколько колонн у Большого театра? Или сколько коней в квадриге (вообще-то раз квадрига, значит – четыре). Все ходили бледные и спрашивали друг у друга: сколько на самом деле этих колонн и коней? Никто не мог ответить уверенно.

Вызвали меня. Зашел в кабинет. Спросили:

– Борис Николаевич Пастухов – это вы?

– Да, я.

– Хотите учиться в МВТУ?

– Хочу.

– Вы зачислены. Желаем успеха! До свидания.

Это был механико-технологический факультет. Вот я и стал там учиться...

Но сперва (до начала занятий) отправился в свой любимый «Балабановский «Артек», теперь уже пионервожатым.

Надо сказать, что из нашей школы в институты поступили все, кто подал документы. Такое, думаю, не часто бывает. Это говорит о прекрасном уровне подготовки, которую дали наши учителя. Один парень поступил в Московское высшее общевойсковое командное военное училище имени Верховного Совета – фамилия его Байдаков. Юра Байдаков. Дослужился до полковника. Жив и постоянно бывает на наших встречах.

А вот этот Кузьмин, в полувоенном френче и блестящих сапогах, которого я круто, по своей методе, воспитывал, он как был изгоем, так и остался. Поступил в Историко-архивный институт (архивный! Да разве это институт?! Срамота! – так мы все в те романтические времена думали) и окончил его. И кем он стал, как вы думаете? О! Вы удивитесь, когда я расскажу...

Прошло много-много лет, и вот однажды вызывают меня на совещание к самому Брежневу... и вот в приемной генерального секретаря я вижу за столом референта... глазам своим не верю – Кузьмин!

Мы обнялись с превеликой радостью. Все время до начала совещания говорили с ним про нашу молодость, про родную любимую школу. Выяснилось, что он нисколько не в обиде на меня за суровые меры воспитательного воздействия. Он даже подарил мне на память несколько книг своего шефа. Причем не простых, а с автографом Леонида Ильича. Где-то они и сейчас у меня дома хранятся на книжных полках.

Карьера у Володи Кузьмина была простая и в то же время удивительная. После окончания института он работал скромнейшим архивариусом в Госархиве. Работал, видимо, хорошо, потому что его со временем взяли в аппарат ЦК КПСС. Там он тоже как-то постепенно выдвинулся и в конце концов стал одним из секретарей Леонида Ильича! Правда, была у него известная и неодолимая русская беда – слишком любил выпить. Все обходилось до тех пор, пока он не перебрал на работе... и упал. С высокого поста его тут же убрали. Что с ним случилось потом, не знаю. На встречи выпускников он не приходит, а телефона и адреса его ни у кого из наших нет.

Но это исключительная судьба. В основном же наши одноклассники-мальчишки выучились на инженеров, инженеров-механиков, конструкторов, и все долго и хорошо работали, а некоторые работают и сейчас.

Глава 2. Бауманка – это характер!

Новая студенческая жизнь увлекла, закрутила. С другой стороны, жесточайший режим, настоящие тиски учебного процесса – все это требовало от студента полной отдачи.

Тогдашний ректор, а ныне президент университета, замечательный человек, академик Игорь Борисович Федоров, любил повторять: «Что вы, друзья, в МВТУ учиться легко, если вовремя выполнять все задания».

Ха-ха! – вовремя выполнять! А возможно ли это?

Гонор московский из меня выбить было непросто. Но когда на первом семестре я понял, что ведь и выгнать могут, я забросил спорт и все прочие увлечения и серьезно принялся за учебу.

К сожалению, не могу вспомнить фамилию преподавателя, который вел у нас семинар по математике. У него не было одной руки. Всегда – зимой и летом – он ходил в каком-то легком плащике. Несмотря на то что одной руки у него не было, он был мастером спорта по туризму. Был он настоящим экстремалом (говоря по-нынешнему), за спиной у него были походы высшей категории сложности. Никаких значков он не носил, кроме значка выпускника Московского университета.

Он знал, что я спортсмен, общественник, и вообще хорошо ко мне относился, но спуску, как и всем, не давал. Так вот, я приходил к нему среди других сдавать зачет по математике раз пять или шесть.

Он принимал зачет так: свободно разгуливал по аудитории, на ходу придумывал уравнения и раздавал примеры, а мы должны были тут же их решать. На пятый раз мы все сидели, наверное, часов до двенадцати. Метро закрывалось в половине первого ночи. Ребята начали гудеть: давайте, мол, заканчивать, на метро опоздаем. Он не стал спорить и занятия завершил. Мы все вместе вышли из МВТУ. Проходная уже была закрыта. Пришлось перелезть через забор. Причем он, однорукий, сделал это ловчее многих из нас. Когда перелезли, он мне говорит: «Ну что, побежали?»

О проходных МВТУ следует сказать особо. Бытовал афоризм: «Через проходную училища можно вынести все... кроме его славы».

«Разыгрывает, что ли? – подумал я. – Знает ведь, наверное, что я легкой атлетикой занимаюсь».

Мы побежали. Он сразу взял приличный темп, стараясь, видимо, сбить мне дыхание. Все ребята быстро от нас отстали. Но я-то был тогда в форме, бежал легко и никаких трудностей не испытывал.

Он бежал хорошо, это надо признать. Только возле метро я услышал, что он стал трудно дышать.

– А вы, молодой человек, оказывается, и правда бегать умеете! – заметил он с одобрением, когда мы уже спускались вниз на эскалаторе.

И вот на следующий (шестой!) раз, после ответа на несколько его вопросов, он поставил мне зачет. На экзамене я получил пятерку. Там принимали другие люди, но это именно он всех нас подготовил к экзамену как надо, и дело не только в математике, просто он на практике реализовал принцип и девиз МВТУ: «Знания знаниями, но нужен и характер!» Есть – да! Нет – пошел вон!

И некоторые тогда ушли. Не то чтобы много, но с нашего курса человека три-четыре. Не выдержали. Помню, ушел один солдатик. И девушка, которая пришла в МВТУ, скорее всего, за женихами. Ну, эти оба оказались здесь не у дел. А вот несколько человек тоже должны были уйти, но удержались буквально на зубах. Знаний у них не хватало, особенно поначалу, зато характера в избытке. Это были настоящие бауманцы. Еще долго было нам трудно и приходи-

лось проявлять характер. Примерно курса до третьего. Зато потом... потом учеба превратилась в удовольствие.

Замечательный человек был этот одорукий преподаватель, но не сложилась у него судьба в МВТУ. Ушел он потом. Точной причины не знаю, поэтому говорить трудно, но вроде бы сманили его куда-то заведовать кафедрой, читать лекции.

Этот человек был мне симпатичен, очень нравился его свободный, раскованный метод работы. К такому зачету бесполезно готовить шпаргалки. Кто может заранее предположить, что в ту или иную минуту придет в его незаурядную голову. Что он предложит решить и над чем поразмышлять. Зато, если ты получал у него зачет, никаких экзаменов можно было не бояться.

МВТУ подарило мне множество интересных людей, которых я встретил потом, когда был физоргом курса, членом бюро, заместителем секретаря комитета комсомола. Между прочим, я никогда не был первым секретарем комитета комсомола МВТУ. Считаю, что это справедливо, потому что там были люди более достойные и более сильные, чем ваш покорный слуга.

Примером же для всех нас в те годы и потом был Николай Григорьевич Егорычев. Тогда я и предположить не мог, что моя судьба так плотно и неразрывно сплетется с его жизнью.

А ведь я был у него накануне смерти. Вечером. Пришел с работы, тогда я уже был депутатом, и сразу заглянул к нему. Мы жили на шестом этаже, он на пятом. Все было вроде бы нормально. Мы долго и хорошо разговаривали. Он ни на что не жаловался в этот вечер (он вообще жаловаться не любил), но, похоже, у него действительно тогда ничего не болело.

Спрашиваю его:

– Николай Григорьевич, а вы в Бога верите?

Вот уж не знаю, отчего и почему тогда мне это влетело в голову... впрочем, каждый человек о таком когда-то задумывается.

Только потом, много времени спустя, я узнал, что дед его по материнской линии – Тарасов Семен Тарасович, крестьянин деревни Митино, был церковным старостой, владел лесным участком в Московской губернии, поставлял лес для строительства храма Христа Спасителя в Москве, за что был отмечен персональной медалью. Дед на свои средства построил церковь в деревне Рождествено (ныне Митино). Сразу, когда это стало возможно, они – Егорычевы – восстановили этот храм, который действует и поныне. Мы просили (это было уже при Лужкове), чтобы улицу, где стоит храм, назвали именем Семена Тарасова. Нам ответили, что вопрос можно будет решить только через пять лет. После того прошло много больше пяти лет, но улицу так и не переименовали...

На мой вопрос Николай Григорьевич ответил не сразу. Он глубоко задумался, потом сказал:

– Знаешь, Борис, я отвечу тебе так: в существование некоего высшего разума в нашем большом мире (вообще в Космосе) я верю, но к церкви это, по-моему, отношения не имеет. Я был и остаюсь верующим атеистом.

Он не кривил душой. Мне кажется, что такое ощущение есть у многих...

Ну а теперь я попробую, в силу своих возможностей и любви, нарисовать для вас портрет дорогого для меня человека.

Николай Григорьевич Егорычев

Николай Егорычев учился в Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана, когда началась война. Он, студент бронетанкового факультета, которому до диплома оставалось всего ничего, должен был вместе с коллективом эвакуироваться в Ижевск. Но Николай записывается добровольцем в московское ополчение. Первый рубеж обороны этих солдат, юнцов, вчерашних студентов – окопы у моста через канал Москва – Волга. Рубеж, на котором

был остановлен враг в своем, казалось бы, неудержимом наступлении на Москву. Потом после нескольких ранений, после Победы он вновь в МВТУ. Студенческое общежитие, комитет комсомола, партком. Его выбирал не только коллектив, его выбрало время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.